

ISSN 2949-4877

ЯЗЫК

КАК СТРУКТУРА
И ДИСКУРСИВНАЯ
ПРАКТИКА

2025 № 4 (11) декабрь

Littera
scripta
manet²⁰₂₅

ЯЗЫК КАК СТРУКТУРА И ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА

№ 4 (11), декабрь 2025

Научный электронный журнал

DOI <https://doi.org/10.38161/2949-4877-2025-4>

В журнале публикуются статьи, посвященные теоретическим проблемам филологии и лингвистики, проблемам перевода, актуальным проблемам литературоведения, лингвокультурологии и лингвистики текста. Журнал адресован ученым, преподавателям, аспирантам, соискателям и всем, кто интересуется вопросами филологии. Периодичность выхода – четыре номера в год. Издается с июня 2023 г.

Редакция

Главный редактор А. В. Луговской, канд. филол. наук

Зам. гл. редактора О. Н. Александрова-Осокина, д-р филол. наук, доц.; Е. Ю. Мальнева, канд. филол. наук.

Ответственный секретарь И. Б. Ушакова, канд. филол. наук, доц.

Корректор Е. Ю. Стрелкова

Редактор англоязычных текстов Е. Ю. Мальнева, канд. филол. наук

Редактор выпуска О. Н. Александрова-Осокина, д-р филол. наук, доц.

Верстка, издательское оформление К. В. Егорушкина

Редакционная коллегия

А. В. Луговской – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск, *главный редактор*; О. Н. Александрова-Осокина – д-р филол. наук, ТОГУ, Хабаровск, *зам. гл. редактора*; Е. Ю. Мальнева – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск, *зам. гл. редактора*; И. П. Амзаракова – д-р филол. наук, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, Абакан; Н. Г. Богаченко – канд. филол. наук, ПГУ им. Шолом-Алейхема, Биробиджан; В. В. Васюк – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; Е. П. Вишнякова – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; О. В. Горелова – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; О. В. Егорова – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; В. Н. Завьялов – д-р филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; Е. А. Иконникова – д-р филол. наук, СГУ, Южно-Сахалинск; Н. А. Каразия – канд. филол. наук, КамГУ им. В. Беринга, Петропавловск-Камчатский; Т. П. Карпухина – д-р филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; Н. В. Кузнецова – канд. филол. наук, Хабаровская духовная семинария, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск; Л. Ю. Кульпина – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; А. В. Ленец – д-р филол. наук, ЮФУ, Ростов-на-Дону; Е. Н. Леонова – канд. пед. наук, ТОГУ, Хабаровск; Т. Ю. Ма – д-р филол. наук, АМГУ, Благовещенск; В. Г. Мехтиев – д-р филол. наук, проф., ТОГУ, Хабаровск; Л. Т. Нечаева – канд. филол. наук, д-р пед. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; С. М. Пак – д-р филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; Ю. С. Пестушко – д-р ист. наук, ХГИК, Хабаровск; В. К. Приходько – д-р филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; В. Т. Садченко – д-р филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; О. А. Сысоева – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; Л. С. Торопова – канд. филол. наук, ДВГУПС, Хабаровск; И. Б. Ушакова – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; В. В. Федоров – д-р филол. наук, РАНХиГС, Петропавловск-Камчатский; Т. В. Хрущева – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; Г. А. Шушарина – канд. филол. наук, КНАГУ, Комсомольск-на-Амуре; С. Ю. Щербина – канд. филол. наук, ТОГУ, Хабаровск; С. И. Якимова – д-р филол. наук, ТОГУ, Хабаровск.

LANGUAGE-PNU.RU

Littera
scripta
manet²⁰₂₅

Сетевое рецензируемое периодическое издание открытого доступа.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Реестровая запись серии: Эл № ФС77-85098 от 10.04.2023 г.

Журнал включен в список РИНЦ на платформе eLIBRARY.RU.

LANGUAGE AS STRUCTURE AND DISCOURSE PRACTICES

Volume 4 (No. 11), December 2025
Online Academic Journal

DOI <https://doi.org/10.38161/2949-4877-2025-4>

The journal publishes original research in theoretical linguistics and classical philology, translation studies, topical aspects of literary criticism, cultural linguistics, and text linguistics. The journal provides a forum for discussion to scholars, educators, postgraduate students, undergraduates, and anyone interested in linguistics. Issued quarterly. Published since June, 2023.

Editorial Board

Editor-in-Chief A. V. Lugovskoy, PhD in Linguistics

Deputy Editors-in-Chief O. N. Alexandrova-Osokina, Doctor of Philology; E. Y. Malneva, PhD in Linguistics

Executive Secretary I. B. Ushakova, PhD in Linguistics

Proofreader E. Yu. Strelkova

English Language Editor E. Y. Malneva, PhD in Linguistics

Managing Editor of the Issue O. N. Alexandrova-Osokina, Doctor of Philology

Layout, publishing design K. V. Egorushkina

Editorial Staff

A. V. Lugovskoy – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk, *Editor-in-Chief*; O. N. Alexandrova-Osokina – Doctor of Philology, Pacific National University, Khabarovsk, *Deputy Editor-in-Chief*; E. Y. Malneva – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk – *Deputy Editor-in-Chief*; I. P. Amzarakova – Doctor of Philology, Katanov Khakass State University, Abakan; N. G. Bogachenko – PhD in Linguistics, Sholem Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan; V. V. Vasyuk – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk; E. P. Vishniakova – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk; O. V. Gorelova – PhD in Russian Philology, Pacific National University, Khabarovsk; O. V. Egorova – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk; V. N. Zavalov – Doctor of Philology, Pacific National University, Khabarovsk; E. A. Ikonnikova – Doctor of Philology, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk; N. A. Karaziya – PhD in Linguistics, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky; T. P. Karpukhina – Doctor of Philology, Pacific National University, Khabarovsk; N. V. Kuznetsova – PhD in Linguistics, Khabarovsk Theological Seminary, Pacific National University, Khabarovsk; L. Y. Kulpina – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk; A. V. Lenets – Doctor of Philology, Southern Federal University, Rostov-on-Don; E. N. Leonova – PhD in Education, Pacific National University, Khabarovsk; T. Yu. Ma – Doctor of Philology, Amur State University, Blagoveshchensk; V. G. Mekhtiev – Doctor of Philology, Pacific National University, Khabarovsk; L. T. Nechaeva – PhD in Linguistics, Doctor of Education, Moscow State University, Moscow; S. M. Pak – Doctor of Philology, Pacific National University, Khabarovsk; Y. S. Pestushko – Doctor of History, Khabarovsk State Institute of Culture, Khabarovsk; V. K. Prikhodko – Doctor of Philology, Pacific National University, Khabarovsk; V. T. Sadchenko – Doctor of Philology, Pacific National University, Khabarovsk; O. A. Sysoeva – PhD in Literature Studies, Pacific National University, Khabarovsk; L. S. Toropova – PhD in Linguistics, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk; I. B. Ushakova – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk; V. V. Fedorov – Doctor of Philology, Russian Academy of The National Economy and Public Service, Petropavlovsk-Kamchatsky; T. V. Khrushcheva – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk; G. A. Shusharina – Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur; S. Y. Shcherbina – PhD in Linguistics, Pacific National University, Khabarovsk; S. I. Yakimova – Doctor of Philology, Pacific National University, Khabarovsk.

LANGUAGE-PNU.RU

Online peer-reviewed open access periodical.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Register entry serial number: Эл № ФС77-85098 issued April 10, 2023.

The journal included in the RSCI list on the platform eLIBRARY.RU.

© Pacific National University, 2025

Littera
scripta
manet²⁰²⁵

УДК 81>37:81>25

DOI <https://doi.org/10.38161/2949-4877-2025-4-60-70>

Нурутдинова Аида Рустамовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры контрастивной лингвистики
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
AiRNurutdinova@kpfu.ru

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ПАРЕМИЯХ: КИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ И ОБОНЯТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: Исследование посвящено выявлению специфики репрезентации кинестетического и обонятельного восприятия в паремиологических фондах разноструктурных языков (русского, английского и японского) на материале соматической лексики. В работе выявляются универсальные и идиоэтнические механизмы вербализации сенсорного опыта, обусловленные спецификой языковой картины мира и культурными установками соответствующих лингвокультур. Проведенный анализ позволяет установить доминирование кинестетического компонента в русских и английских паремиях, в то время как для японских паремий характерна более выраженная обонятельная семантика. Выявляется ключевая роль соматизмов как средства актуализации невизуальных сенсорных модальностей в устойчивых выражениях.

Ключевые слова: паремии, соматизмы, кинестетический компонент, обонятельный компонент, сопоставительный анализ, языковая картина мира

Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Aida R. Nurutdinova,
PhD in Pedagogy,
Associate Professor of Contrastive Linguistics Department
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan,
AiRNurutdinova@kpfu.ru

THE SOMATIC CULTURAL CODE IN PAROEMIAS: KINAESTHETIC AND OLFACTORY PERCEPTION (CASE STUDY OF RUSSIAN, ENGLISH, AND JAPANESE LANGUAGES)

Abstract: The study aims to identify the specifics of representing kinesthetic and olfactory perception in the paremiological funds of structurally dissimilar languages (Russian, English, and Japanese) through the analysis of somatic vocabulary. The work reveals universal and idioethnic mechanisms of verbalizing sensory experience, which are determined by the specifics of the linguistic worldview

© Нурутдинова А. Р., 2025

and cultural attitudes of the respective linguocultures. The conducted analysis posits the dominance of the kinaesthetic component in Russian and English paroemias, whereas Japanese paroemias are characterized by more pronounced olfactory semantics. The key role of somatisms as a means of actualizing non-visual sensory modalities in set expressions is identified.

Keywords: paremiology, paroemias, somatisms, kinaesthetic component, olfactory component, contrastive analysis, linguistic worldview

The work was carried out with the support of a grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to higher educational institutions, scientific and other organizations for the development of human resources, specifically to stimulate their research and teaching staff to defend doctoral dissertations and conduct research.

Введение

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики, актуализирующая комплексное изучение взаимосвязи языка, сознания и культуры, детерминирует повышенный научный интерес к способам вербализации сенсорного восприятия в различных лингвокультурах [1]. В рамках данного дискурса паремиологический фонд языка репрезентирует собой концентрированное выражение коллективного этнического опыта и ценностных доминант, кристаллизованных в устойчивых формулах [2]. Особый интерес при этом представляет анализ невизуальных сенсорных модальностей – кинестетической и обонятельной, традиционно относимых к периферии сенсорной иерархии в языке, но играющих важную роль в конституировании архаичных пластов языковой картины мира [3].

Соматическая лексика, будучи универсальным семиотическим кодом телесности [4], выступает ключевым структурно-семантическим компонентом множества паремий, являясь базой для метафорических и метонимических трансформаций, кодирующих абстрактные понятия через телесный опыт [5: 67]. Однако кросс-лингвистический анализ реализации именно кинестетического (хаптического) и обонятельного (ольфакторного) компонентов в составе паремий с участием соматизмов в разноструктурных языках является недостаточно разработанным, что определяет научную новизну и актуальность настоящего исследования.

Теоретической основой работы послужили фундаментальные труды в области лингвокультурологии и паремиологии [3; 6], исследования соматического кода культуры [7; 8], а также работы, посвящённые семантике восприятия и сенсорной метафоре [5; 9; 10; 11]. Применительно к японскому языку особую значимость имеют труды, исследующие специфику телесной метафоры в восточной традиции [12; 13; 14]. В контексте изучения русской паремиологии особое значение приобретают исследования В. А. Масловой [6], посвящённые лингвокультурологическому анализу концептов, а также работы Ю. С. Степанова о константах культуры [15]. Для анализа английского материала важны разработки в области функциональной категоризации и когнитивной грамматики. Наряду с упомянутыми исследованиями, существенный вклад вносят работы по этнопсихолингвистике и невербальной семиотике, разви-

ваемые в рамках японской антропоцентрической традиции [12; 13; 14; 16].

Методологическую базу исследования составляют принципы когнитивной лингвистики, разработанные Н. Н. Болдыревым [17], который рассматривает язык как систему репрезентации концептуальных сущностей, а также труды В. И. Заботкиной [18] и Е. М. Поздняковой [2] в области когнитивной семантики и неологии. Важное значение для понимания сенсорных компонентов имеют работы в области лингвосенсорики А. В. Нагорной, которая анализирует сенсорную лексику в контексте современных гуманитарных исследований [1]. Кроме того, в исследовании используются методики когнитивного моделирования, разработанные Н. Н. Болдыревым [17], и принципы семантико-когнитивного анализа концептов, предложенные З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [8] и методы контекстуального, компонентного и концептуального анализа, а также элементы сопоставительного и лингвокультурологического подходов, позволяющих эксплицировать как языковые, так и внеязыковые факторы формирования исследуемых паремиологических моделей.

Целью данного исследования является выявление универсальных и идиоматических характеристик вербализации кинестетического и обонятельного восприятия в паремиологических единицах, содержащих соматизмы на материале разноструктурных и генетически не родственных языков. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Отбор и классификация паремий с соматизмами, имплицитующих указанные сенсорные компоненты;
2. Семантико-когнитивный анализ механизмов актуализации хаптической и ольфакторной семантики;
3. Установление культурно-обусловленной специфики данных механизмов в каждой из исследуемых лингвокультур.

Материалы и методы

Основу исследования составил корпус паремий, сформированный методом сплошной выборки из лексикографических источников по русскому [19; 20; 21], английскому [22; 23; 24; 25; 26] и японскому языкам [13; 14; 27; 28; 29; 30]. Критерием отбора единиц послужило одновременное выполнение двух условий: наличие в структуре паремии соматизма (рука/hand/ (te), палец/finger/指 (yubi), локоть/elbow/肘 (hiji), нос/nose/鼻 (hana), рот/mouth/ (kuchi)) и актуализация в ее семантике кинестетического или обонятельного восприятия. Классификация отобранных паремий проводилась на основе комплекса признаков с учетом доминирующей сенсорной модальности и функционально-семантической направленности.

В соответствии с данными критериями был выделен следующий таксономический ряд:

- *Кинестетические паремии*: единицы, репрезентирующие значения физического воздействия, моторной активности, манипуляции объектами, приложения усилия, обладания и проявления мастерства.

- *Ольфакторные паремии*: единицы, выражающие восприятие запаха, а также его метафорические расширения, связанные с интуицией,

предчувствием или обнаружением скрытой информации.

- *Синкретичные паремии*: единицы, в семантике которых наблюдается совмещение и взаимодействие нескольких сенсорных компонентов.

Результаты и обсуждение

Проведенный сопоставительный анализ позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты репрезентации кинестетического и обонятельного опыта в паремиях с соматизмами в трех разноструктурных языках. Ядро универсалий формируют антропометрические и физиологические константы, обуславливающие общие метафорические модели, но их языковая актуализация и культурная значимость вариативны. Кинестетический компонент демонстрирует высокую частотность во всех исследуемых языках, что коррелирует с его фундаментальной ролью в процессе познания и освоения мира, выступая первичным средством взаимодействия с материальной реальностью [13: 45; 17: 112]. Соматизмы рука / hand / 手 (te) и палец / finger / 指 (yubi) формируют универсальный концептуальный каркас для передачи опыта непосредственного физического взаимодействия, однако их семантико-прагматические реализации культурно-специфичны.

В русской лингвокультуре кинестетический опыт укоренен в архетипе физического труда, выживания в суровых условиях и прямой физической конфронтации, что отражает исторически сложившуюся «культуру тела» [2: 210]. Паремии актуализируют не только мышечное усилие, но и его кинетическую результативность или неудачу: «Близок локоть, да не укусишь» [20] (тактильная метафора недостижимости, усиленная архаичным соматизмом «локоть» как символом близости, но невозможности действия), «Рука руку моет» [19] (комплексная метафора круговой поруки и взаимной выгоды, где кинестетический контакт символизирует социальную солидарность).

Глубинная семантика многих паремий раскрывается через оппозицию «своего» и «чужого» тела: «Чужими руками жар загребать» [21] (тактильный образ манипуляции и эксплуатации, где кинестетический компонент (загребать) опосредован чужими «руками»), «Держать ухо остро» [20] (соматизм «ухо», обычно связанный с аудиальным восприятием, здесь получает кинестетическую актуализацию в значении постоянного мышечного и ментального напряжения, готовности к действию) [5: 112; 15: 89]. Особый пласт составляют паремии с тактильной семантикой боли и насилия: «Своя рука – владыка» [19] (утверждение абсолютного контроля через прямое кинестетическое действие), «На чужой роток не накинешь платок» [20] (имплицитная тактильная метафора невозможности умалчивания, где «платок» выступает инструментом физического воздействия) [5: 16].

Английская паремиологическая традиция, наследуя общеиндоевропейские модели, склонна к абстракции и социализации кинестетических образов, что соответствует прагматическому характеру культуры [10]. Паремии метонимически связывают тактильное действие с социальным статусом, контролем и манипуляцией: *“To have a finger in every pie”* [22] (соматизм “finger” указывает не просто на участие, а на тайное, мани-

пулятивное вовлечение в процессы, где тактильный образ проникновения в пирог метафоризирует вмешательство в чужие дела). Кинестетика служит инструментом косвенного влияния, а не прямого действия: *“To rule with an iron fist in a velvet glove”* [23: 212] (комплексный кинестетический образ, сочетающий тактильные качества *“iron”*, *“velvet”* с кинетическим действием *“rule”*, что отражает идею скрытой, замаскированной силы). Широко представлены паремии, актуализирующие тактильный опыт владения и удержания: *“A bird in the hand is worth two in the bush”* [24: 95] (тактильное ощущение надежности обладания *“in the hand”* противопоставляется зрительной недостижимости), *“To have the world at one’s fingertips”* [25:138] (гиперболизированный кинестетический образ абсолютного контроля и доступности любой информации через метафору тактильной легкости манипуляции).

В японской языковой картине мира кинестетический компонент в паремиях, содержащих соматизмы, действительно подчинен принципу групповой гармонии 「和」 («ва»), будучи глубоко опосредованным нормами конфуцианской и буддийской этики [12: 203; 14: 77]. В отличие от западных традиций, кинестетический образ здесь редко служит для обозначения сугубо физического действия; его основная функция – вербализация тонких социально-психологических связей и внутренних состояний [13].

Прямая метафора социальной группы («рука» – индивид, «кулак» – сплоченная общность) выражена в паремии 「手と拳は一体なり」 [27] (*Te to kobushi wa ittai nari*) перевод «Рука и кулак — единое целое». В данном случае добавлен классический грамматический элемент 「なり」 (*nari*), что характерно для паремиологического фонда [14]. Соматизмы «рука» 「手」 и «кулак» 「拳」 актуализируют идею неразрывного единства и взаимозависимости. Кинестетический образ сжатия пальцев в кулак символизирует здесь не агрессию, а консолидацию и целостность, где части не могут функционировать отдельно от целого. Паремия о дистанции и связи: 「身は離れても心は離れず」 [28] (*Mi wa hanarete mo kokoro wa hanarezu*) перевод «Тело отдалилось, но сердце не отдалилось». Классическая и более распространенная форма этой пословицы использует параллелизм и отрицание «не отдаляется» 「離れず」 (*hanarezu*), что усиливает контраст [14]. Соматизм «тело, плоть» 「身」 (*ми*) является носителем кинестетического опыта физической разлуки. Однако тактильная метафора «неотдаляющегося сердца» 「心」 (*кокоро*) передает устойчивую эмоциональную и психологическую связь, преодолевающую пространство.

Яркий пример «внутренней телесности», когда глубокий, невидимый физиологический процесс семиотизируется и становится ключевым для коммуникации, показан в паремии 「他人の目を見なければ腹は満たされない」 [29] (*Tanin no me o minakereba hara wa mitasarenai*) перевод «Пока не помотришь в глаза другого, живот не наполняется». Глагол 「満たない」 (*mitasarenai*) использован в пассивной форме 「満たされない」 (*mitasarenai*) «не наполняется», что подчеркивает – состояние, зависящее от внешнего по отношению к субъекту фактора – контакта с другим [30]. Концепт 「腹」 (*хара*) – это не просто «живот», а глубинный эмоционально-интуитивный

центр личности [12] и его «насыщение» требует не пищи, а подтверждения социальной связанности через кинестетически-визуальный контакт («взгляд в глаза»).

Таким образом, при универсальной частотности кинестетического компонента в паремиологическом фонде разных культур, его лингвокультурная нагрузка и прагматика кардинально различаются:

В русской паремической традиции соматизмы актуализируют прямое физическое действие, усилие или конфронтацию, где телесность материальна, активна и зачастую направлена на преодоление внешнего сопротивления.

В английской традиции телесный код метафоризируется для обозначения инструментального контроля, манипуляции и эффективности. Кинестетика служит цели индивидуального достижения и управления.

В японской традиции соматизмы нацелены на опосредованную передачу социально-психологических и эмоциональных связей. Даже агрессивный, на первый взгляд, образ кулака переосмысляется в ключе гармонии, а внутренние органы становятся реципиентами и ретрансляторами тонких социальных интеракций. Тело выступает не как инструмент воздействия на мир, а как чувствительный медиум, регистрирующий и выражающий состояние отношений индивида с группой.

Обонятельный компонент обладает значительно меньшей частотностью в паремиологическом фонде по сравнению с другими сенсорными модальностями [6: 91], что соответствует его периферийному положению в западной-рациональной картине мира, однако его культурная маркированность и семиотическая нагрузка оказываются исключительно высокими в силу архаической природы обоняния как древнейшего механизма биологической и социальной ориентации [11: 67]. Универсальной чертой является преобладание негативной или амбивалентной коннотации, восходящей к бинарным оппозициям «чистое / нечистое», «свое / чужое», «безопасное / опасное» [7: 145], однако конкретные механизмы семантизации запаха демонстрируют значительные межкультурные различия.

В русской языковой картине мира обонятельная семантика прочно вписана в этический дискурс, выполняя функцию сенсорного маркера моральных качеств и социальных отношений. Соматизм «нос» выступает ключевым органом-концептом, аккумулирующим семы вмешательства, интуитивного проникновения в суть и уязвимости перед обманом. Например, «Водить за нос» [19: 134] представляет собой сложный семиотический комплекс: кинестетическое действие «ведения» имплицитно тактильный контакт с телом жертвы, а позиционирование носа обманываемого вблизи от источника потенциально неприятного запаха (как у водимого на поводу животного) создает унижительный образ глупости и пассивного подчинения.

Аналогично, «Не суй свой нос в чужие дела» [20] метафоризирует обоняние как инструмент неуместного любопытства и агрессивного нарушения социальных границ, где соматизм «нос» становится символом трансгрессии. Уникальный пласт составляют паремии, связывающие запах с социальной идентичностью и происхождением: «Где родился, там и сгодился; а в чужом

месте лишь покиселем воняет» [21: 251], здесь «кисельный» запах маркирует чужое пространство как физиологически и социально чуждое, а обонятельный образ служит мощным средством негативной оценки группы. «Рыба и гость с третьего дня воняют» [20: 189] использует обонятельную метафору для регламентации социального взаимодействия, где запах становится индикатором превышения невидимой временной нормы гостеприимства [8: 189].

Английская паремиология демонстрирует сходную тенденцию к негативной семантизации обонятельного компонента, но с большей акцентуацией социального отчуждения, подозрительности и интеллектуального неприятия. Классическая поговорка *"To thumb a nose at someone"* [26: 212] (букв. «показать нос большим пальцем») синтезирует кинестетический (жест *"thumb"*) и обонятельный (*nose*) компоненты в формуле презрения и вызова, где нос как орган обоняния метонимически представляет всю личность, подвергаемую унижению.

Обоняние часто служит метафорой интуитивного обнаружения скрытого порока или угрозы: *"He smells a rat"* [22: 78] (букв. «чуёт крысу») идея подсознательного, обонятельно-интуитивного распознавания обмана или неблагополучия, где *"rat"* символизирует нечто опасное и отталкивающее. Поговорка *"A fish and a guest stink after three days"* [25: 160] (прямой аналог русской «Рыба и гость...») подтверждает универсальность обонятельного кода для регламентации социального времени, однако в английском варианте акцент смещен на нейтрально-констатирующий глагол *"stink"* (вонять), лишенный эмоциональной окраски русского «воняет», что отражает более прагматичный подход к социальным нормам. Важным аспектом является связь запаха с моральной репутацией: *"If a man has a good name, he is good; if he has a bad odor, he is bad"* [23: 160] здесь *"bad odor"* (дурной запах) выступает прямой сенсорной метафорой испорченной репутации, прочно связывая физиологическое и моральное в единый оценочный комплекс [10: 24].

В японской лингвокультуре обонятельный компонент глубоко интегрирован в эстетический и духовный дискурс, неся не только негативные, но и сугубо позитивные коннотации, что отражает характерный для Японии синкретизм сенсорного восприятия и влияние традиционной эстетики, такой как 「物の哀れ」 (*mono no aware*) – печальное очарование вещей [12: 216].

Ключевую роль в понимании этой специфики играет поговорка 「口から魂の香りが出る」 [30] (*Kuchi kara tamashii no kaori ga deru*) буквальный перевод «Из рта исходит аромат души», однако лингвокультурный анализ раскрывает следующий смысл: соматизм «рот» 「口」 (*kuchi*), обычно связанный с речью и питанием, здесь выступает как врата, через которые проявляется внутренняя сущность; концепт «душа» 「魂」 (*tamashii*) указывает на сокровенную, нематериальную основу человека; лексема «благоухание, аромат» 「香り」 (*kaori*) важна: это не нейтральный «запах» 「匂い」 (*nioi*), а приятный, тонкий аромат, несущий эстетическое наслаждение [16]. Таким образом, поговорка создаёт сложную метафору, где внутренняя, сущностная природа человека (*tamashii*) проявляется вовне как благородное благоухание (*kaori*), отражая синтоистско-буддийскую идею нераздельности телесно-

го и духовного.

Другая поговорка, 「花は言葉を語らねど、香りが心を伝う」 [29] (*Hana wa kotoba o kataranedo, kaori ga kokoro o tsutau*) перевод «Цветы не произносят слов, но их аромат передаёт сердце» онтологизирует запах как средство подлинной, невербальной коммуникации, превосходящей вербальный язык. Данная идея коренится в таких практиках, как 「香道」 (*kōdō*) «Путь благовоний», где обоняние исторически культивировалось как утонченное искусство и способ духовного самосовершенствования [12]. Даже в негативных контекстах японские поговорки часто используют опосредованные обонятельные образы, направленные на саморефлексию, а не на обвинение других. Например, 「腐臭は己が口から」 [27] (*Fushū wa onore no kuchi kara*) «Гнилостный запах исходит из собственного рта», где «гнилостный запах» 「腐臭」 (*fushū*) это моральный порок, источник которого локализован в себе 「己」 (*onore*), что отражает культуру самоанализа и избегания прямой конфронтации.

Таким образом, обонятельный компонент в поговорках выступает тонким индикатором фундаментальных культурных различий:

- В русской и английской традициях обонятельные образы служат для морально-этической диагностики другого, маркировки социальной трансгрессии, опасности или неприятия, где запах это инструмент социальной критики и разграничения.

- В японской традиции обонятельный код нацелен на эстетико-духовную экспликацию внутренних качеств и невербальную коммуникацию и функционирует в парадигме внутреннего самосовершенствования и тонкого эмоционального резонанса.

Данная дихотомия – социальный контроль через обоняние vs. духовно-эстетическое выражение – наглядно подтверждает тезис о глубокой культурной обусловленности сенсорных кодов языка.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, непосредственно вытекающих из решения поставленных задач и подтверждающих центральный тезис о доминировании кинестетической модальности при яркой культурно-специфической маркированности обонятельной в паремиологических системах разноструктурных языков.

В рамках решения первой задачи (отбор и классификация поговорок с соматизмами) был сформирован репрезентативный корпус единиц, имплицитно включающих тактильный и ольфакторный компоненты. Анализ показал, что кинестетическая лексика образует обширное и структурно разнородное поле, актуализирующее широкий семантический спектр – от прямого физического действия до сложных социальных метафор. Обонятельный компонент, напротив, реализуется через ограниченный набор концептов и обладает значительно меньшей частотностью, что, однако, компенсируется его исключительно высокой степенью культурной семиотизации.

Решение второй задачи (семантико-когнитивный анализ механиз-

мов актуализации) выявило общие и специфические когнитивные модели. Универсальным механизмом для кинестетической сферы является метонимия «орган → действие → результат/статус»:

- Рус. «Чужими руками жар загребать» (метонимический перенос с инструмента действия на его результат и несправедливость способа достижения).

- Англ. *"To have the world at one's fingertips"* (метонимия, связывающая тактильную чувствительность кончиков пальцев с абсолютной властью и доступностью).

Для обоняния универсальной является метафора «запах как морально-этический индикатор», однако механизмы ее реализации культурно-специфичны:

- В русском и английском языках она основана на бинарной оппозиции «вонь (stink) vs. отсутствие запаха», что отражает установку на категоричное различие «порока» и «нормы».

- В японском – на эстетической градации «благоухание (香り, *kaori*) vs. гнилостный дух (腐臭, *fushū*)», что свидетельствует о ценностной шкале, ориентированной на утонченное восприятие и духовные качества.

Третья задача (установление культурно-обусловленной специфики) позволила выявить фундаментальные различия, которые носят системный характер:

1. В русской традиции кинестетический код служит для выражения архетипических оппозиций «свой/чужой», «труд/безделье», «прямое действие/хитрость», часто через грубую физическую метафору. Обоняние жестко привязано к социальной и моральной диагностике, выступая инструментом разграничения.

2. В английской традиции кинестетика метафоризирует идеи контроля, манипуляции и прагматической эффективности. Обоняние функционирует преимущественно в сфере интуитивного распознавания угрозы и оценки социальной репутации.

3. В японской традиции весь телесный опыт подчинен принципу групповой гармонии [和] (*wa*) и культивированию внутренней духовности. Кинестетика передает не физическое усилие, а социально-психологические связи, единство и внутренние состояния. Обоняние же интегрировано в эстетический и духовный дискурс как способ экспликации сущностных качеств личности и тонкой невербальной коммуникации.

Таким образом, несмотря на универсальность соматического кода как основы для паремиологизации опыта, его сенсорные модальности подвергаются глубокой культурной фильтрации. Кинестетический компонент, будучи доминантным, универсален в своей инструментальной функции, но глубоко специфичен в ценностном наполнении. Периферийный же обонятельный компонент, обладая меньшей частотностью, выступает ключевым маркером глубинных культурных установок: морально-нормативных в русской и английской традициях и эстетико-синкретичных в японской. Таким образом, иерархия чувственного восприятия и его языковая репрезентация являются не биологической константой, а продуктом уникального культурно-исторического развития.

Список источников

1. Нагорная А. В. Лингвосенсорика: теоретические основания и методы исследования // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 56–78.
2. Позднякова Е. М. Когнитивная неология: теоретические основания и методы исследования. – Москва : Флинта, 2015. – 198 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
4. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений о осквернении и табу. – Москва : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 288 с.
5. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж : ВГУ, 1996. – 104 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – Москва : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
10. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
11. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. – New York : Basic Books, 1999. – 624 p.
12. Иде С. Японская лингвокультура: невербальная коммуникация. – Токио : Издательство Токийского университета, 2005. – 234 p.
13. Asano-Cavanagh Y. *Japanese Perceptions of the Senses: A Linguistic Perspective* // *Australian Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 34, № 2. P. 201–220.
14. Saito T. *Japanese Phraseology: A Study of the Structure and Use of Expressions*. – Tokyo : Kuroshio Publishers, 2012. – 345 p.
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – Москва : Академический проект, 2004. – 992 с.
16. Фельдман Н. И. Телесный код в японской языковой картине мира. – Москва : Восточная литература, 2009. – 167 с.
17. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов : ТГУ, 2000. – 190 с.
18. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. – Москва : Высшая школа, 1989. – 126 с.
19. Даль В. И. Пословицы русского народа. – Москва : Художественная литература, 1984. – 431 с.
20. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. – Москва : Астрель, 2008. – 878 с.
21. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. – Москва : Отечество, 1995. – 368 с.
22. Ammer C. *The American Heritage Dictionary of Idioms*. 2nd ed. – Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2013. – 512 p.
23. *Cambridge Idioms Dictionary*. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 502 p.
24. *Longman Dictionary of English Idioms*. – Harlow : Longman, 1979. – 387 p.

25. Oxford Dictionary of Proverbs. 6th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 388 p.
26. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs. 6th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 388 p.
27. Kunii Takeo. Kotowaza Jiten. – Tokyo : Kodansha, 2010. – 312 p.
28. 故事ことわざ辞典 [Словарь пословиц и поговорок] / 編著者 石井庄司. – 東京: 東京堂出版, 2005. – 452 p.
30. 新明解故事ことわざ辞典 [Словарь пословиц и поговорок Синмэйкай] / 編著者 三省堂編修所. – 東京: 三省堂, 2011. – 512 p.
31. 日本語慣用句大辞典 [Большой словарь японских идиом] / 編著者 白石大二. – 東京: 明治書院, 1989. – 623 p.